

Иванов — эпизод 10 из 21

Бездарная, безжалостная честность!

Лебедев. Ну, ну, ну!.. Сам, небось, был молодым и понимаешь.

Шабельский. Да, я был молод и глуп, в свое время разыгрывал Чацкого, обличал мерзавцев и мошенников, но никогда в жизни я воров не называл в лицо ворами и в доме повешенного не говорил о веревке. Я был воспитан. А ваш этот тупой лекарь почувствовал бы себя на высоте своей задачи и на седьмом небе, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловеческих идеалов, хватить меня публично по рылу и под микитки.

Лебедев. Молодые люди все с норовом. У меня дядя гегелианец был... так тот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет вот этак на стул и начинает: Вы невежды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни! Та-та, та-та, та-та... Уж он отчитывает-отчитывает...

Саша. А гости что же?

Лебедев. А ничего... Слушают да пьют себе. Раз, впрочем, я его на дуэль вызвал... дядю-то родного. Из-за Бэкона вышло. Помню, сидел я, дай бог память, вот так, как Матвей, а дядя с покойным Герасимом Нилычем стояли вот тут, примерно, где Николаша... Ну-с. Герасим Нилыч и задает, братец ты мой, вопрос...

. Михаил Михайлович!..

. Мишель Мишелич! Слыхом-слыхать...

. Душа общества!

Боркин. А вот и я! (Подбегает к Саше.) Благородная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести (подает сверток) фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да прояснят они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства. (Театрально раскланивается.)

Саша. Благодарю вас...

Лебедев (хохочет, Иванову). Отчего ты не прогонишь эту Иуду?

Боркин (Лебедеву). Павлу Кириллычу! (Иванову.) Патрону... (Поет.)

Nicolas-voilà, го-ги-го! (Обходит всех.) Почтеннейшей Зинаиде Савишне...

Божественной Марфе Егоровне... Древнейшей Авдотье Назаровне...

Сиятельнейшему графу...

Шабельский (хохочет). Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже. Вы замечаете?

Боркин. Уф, утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького,

господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в нос шибящего? (Живо Зинаиде Савишне.) Ах, послушайте, мамаша... Еду сейчас к вам... (Гавриле.) Дай-ка мне, Гаврюша, чаю, только без кружовенного варенья! (Зинаиде Савишне.) Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Лебедев (Иванову). Отчего ты не прогонишь эту Иуду?

Зинаида Савишна (испуганно). А ведь это правда, мне и на ум не приходило!..

Боркин (делает ручную гимнастику). Не могу без движений... Мамаша, что бы такое особенное выкинуть? Марфа Егоровна, я в ударе... Я экзальтирован! (Поет.) Я вновь пред тобою...

Зинаида Савишна. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Боркин. Господа, что же вы это в самом деле носы повесили? Сидят, точно присяжные заседатели!.. Давайте изобразим что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горелки, танцы, фейерверки?..

Барышни (хлопают в ладоши). Фейерверки, фейерверки! (Бегут в сад.)

Саша (Иванову). Что вы сегодня такой скучный?..

Иванов. Голова болит, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте в гостиную.

Зинаида Савишна. Вот это я понимаю молодой человек: и минуты не побыл, а уж всех развеселил. (Притушивает большую лампу.) Пока они все в саду, нечего свечам даром гореть. (Тушит свечи.)

Лебедев (идя за нею). Зюзюшка, надо бы дать гостям закусить чего-нибудь...

Зинаида Савишна. Ишь свечей сколько... недаром люди судят, что мы богатые. (Тушит.)

Лебедев (идя за нею). Зюзюшка, ей-богу, дала бы чего-нибудь поесть людям...

Люди молодые, небось, проголодались, бедные... Зюзюшка...

Зинаида Савишна. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. (Идет в левую дверь.)

Лебедев. Тьфу!.. (Уходит в сад.)

и Саша

Саша (входя с Ивановым из правой двери). Все ушли в сад.

Иванов. Такие-то дела, Шурочка. Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой. День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю. А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, лишние разговоры, глупый Боркин... Мой дом мне опротивел, и жить в нем для меня хуже пытки. Скажу вам откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит. Вы мой старый приятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Приехал я вот к вам развлечься, но мне скучно и у вас, и

опять меня тянет домой. Простите, я сейчас потихоньку уеду.
Саша. Николай Алексеевич, я понимаю вас.